

© 2007 г. И. Б. ИТКИН

МЯГКИЕ ОСНОВЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье показано, что морфонологическое поведение корней и суффиксов с исходом на мягкий согласный в русском языке может быть описано при помощи нескольких правил, которые формулируются автором. С другой стороны, в статье исследуется и обратное явление – отверждение конечных согласных так называемых мягких основ перед несмягчающими суффиксами.

Постановка проблемы. Чрезвычайно широкое распространение палатализации конечных согласных основы перед суффиксальными морфемами составляет одну из особенностей морфонологии современного русского языка (далее – РЯ), ср. такие примеры, как *брат – братец, слон – слонёнок, дом – домишко, вор – ворюга, рапира – рапист, дуб – дубить, новый – новенький, сильный – сильнее* и т.д. Работы, посвященные смягчению согласных в РЯ, весьма многочисленны, и хотя единой, общепринятой трактовки этого явления пока не предложено, основные его закономерности вполне можно считать установленными, ср. [Земская 1973: 93–97; Чурганова 1973: 116–136; Поливанова 1976: 35а, приложение: 8–17, 27–34].

Однако наряду с палатализацией в РЯ представлено и обратное явление – отверждение конечных согласных так называемых мягких основ перед несмягчающими суффиксами, ср. такие примеры, как *тётя – тётка, гусь – гусыня, поле – широкополый, тень – отенок, кровь – кровавый, восемь – восьмушка, гулять – прогулка* и т.д. Правила этого отверждения, если они вообще существуют, устроены крайне нетривиально, поскольку имеется множество случаев различного поведения как одних и тех же основ перед разными суффиксами (ср. *пень – пенёк и опёнок, кудри – кудреватый и златокудрый, цель – целевой и прицел, корень – коренастый и корневой, государь – государыня и государев*), так и разных основ перед одним и тем же суффиксом (ср. *тётя – тётка и батя – батька, локоть – локоток и зять – зятёк, лохань – лоханка и сирень – сиренька, лень – леность и горе – горесть, глазурь – глазуровать и заря – зоревать*).

Данная проблема также неоднократно привлекала внимание исследователей, но в большинстве работ (ср., например [Трубецкой 1987: 118–119; Земская 1973: 96–97]) приводятся лишь изолированные примеры отверждения конечных согласных. Более подробно соответствующий материал изложен в книге [Чурганова 1973: 120–124], однако В.Г. Чурганова, считая диспалатализацию явлением нерегулярным, не ставила перед собой задачу сформулировать ее точные условия.

В диссертации А.К. Поливановой – одной из немногих работ, где сохранение и исчезновение мягкости согласных рассматривается в теоретическом аспекте, – «основы с неустранимой мягкостью зубных как в случае *дядя – дядька* считаются аномальными», а среди основ на *л', н', р'* различаются имеющие устранимую (*дверь*) и неустранимую (*конь, мор(е)*) мягкость [Поливанова 1976: 14]. Такой подход вызывает серьезные возражения. Основы типа *дядя* в РЯ достаточно многочисленны (ср. *батя – батька, князь – князёк, зять – зятёк, медь – медяк* и др.) и могут трактоваться как аномальные разве что при диахронически-ориентированном описании. В то же время мягкость конечных согласных в таких словах, как *конь, море*, хотя и ощущается как ничем не обусловленная, ингерентная (ср. *конёк, морюшко*), парадоксальным образом вовсе не является неустранимой, ср. *конка, конокрад, помор*.

Интересная попытка объяснить случаи исчезновения мягкости переходом именных основ в глагольные предпринята в статье С.М. Толстой: «Корневая морфема существительного *воля* в системе субстантивного словоизменения и именного словообразования имеет устойчивую палатальность конечного согласного, выступающую в морфонологически сильной позиции (перед флексиями *-а, -и, -о, -и*). В производной глагольной основе на *-и* эта независимая палатальность, попадая в слабую позицию (перед тематическим *-и*, флексиями 2-го спряжения, в том числе и *-ат*, где морфонологически твердые невозможны), начинает вести себя как позиционно обусловленная и потому легко устраняется в соответствующих позициях, напр. *позволить, соизволить*, но *произвол*, ср. *ходить, приходить*, но *ходок, приход*. То же самое можно сказать об именных корнях в словах *тень* (*оттенить*, но *оттенок*), *соль* (*засолить*, но *засол*) и т.п.» [Толстая 1991: 167]. Данная гипотеза, однако, также не разрешает всех проблем: с одной стороны, у некоторых глагольных корней ауслаутная мягкость, очевидно, не является позиционно-обусловленной, ср. *солить* – *солка*, но *линять* – *линька*, *ходить* – *ходовой*, но *гулять* – *гулевой*, а с другой стороны, такие слова, как *помор, бескозырка, опёнок*, не являются отглагольными образованиями.

Как видно, к настоящему моменту задача адекватного и непротиворечивого описания морфонологического поведения мягких основ РЯ никоим образом не может считаться решенной; более того, попытка ее решения в полном объеме предпринимается в настоящей работе фактически впервые.

Разграничение омонимичных суффиксов. Трудности, связанные с разграничением омонимии и полисемии аффиксальных морфем, хорошо известны, ср. признание авторов «Словаря морфем русского языка»: «Вопрос об аффиксальных омонимах (омоморфемах) – один из самых неясных и не имеющих общепринятого решения вопросов морфемного анализа» [Кузнецова, Ефремова 1986: 6]. Заметим, что в «Словаре морфем...» существование омонимичных аффиксов признается лишь в исключительных случаях, так что, например, слова *мяг-к-ий, уш-к-о* и *чист-к-а* считаются имеющими один и тот же суффикс *-к-* [Там же: 685]. Однако при формулировании правил отвердения конечных мягких согласных основы признание омонимии аффиксов оказывается необходимым по крайней мере для производных, относящихся к двум широко распространенным в РЯ словообразовательным типам – с нулевым словообразовательным суффиксом и с суффиксом вида $[o'k]$ ¹. Соответствующие списки приводятся ниже; разумеется, короткие и неформальные семантические пояснения, используемые в этих списках, ни в коей мере не претендуют на роль толкований – они представляют собой не более, чем ярлыки, по крайней мере в ясных случаях позволяющие установить, какая именно морфема представлена в тех или иных дериватах.

Нулевые словообразовательные суффиксы:

$\emptyset_{vb}$ – отглагольный, образующий существительные м. р. II склонения с процессуальным, агентивно-инструментальным и объектным значением, ср. *бег, укус, повар, ледокол, перелом*;

$\emptyset_I$ – суффикс с аналогичными свойствами, образующий существительные I склонения, ср. *езда, помеха, задира, подошва*;

$\emptyset_S$ – отсубстантивный с неясным значением, образующий существительные м. р. II склонения, ср. *люд, корабел*;

$\emptyset_{Car}$ – образующий уменьшительно-ласкательные формы I склонения от мужских и женских личных имен, ср. *Юля, Боря, Люба*;

$\emptyset_{Adj}$ – отсубстантивный, образующий прилагательные со значением «имеющий/не имеющий чего-л.», ср. *вислоухий, длиннополый, безъязыкий*;

$\emptyset_{Num}$ – образующий порядковые числительные, ср. *пятый, восьмой, девяностый*.

¹ Знаками $[o]$ и $[e]$ в морфонологической записи морфем и словоформ в настоящей работе обозначаются беглые гласные *о* и *е*.

Суффиксы вида [o'k]:

[o'k]_{Dim} – диминутив, ср. *мерка, лесок, молочко, санки*;

[o'k]₁ – отыменной с не вполне ясным значением, образующий существительные ж.р., ср. *коробка, табуретка, кошёлка, десятка*;

[o'k]₂ – отглагольный, образующий существительные ж.р. с агентивным, инструментальным, локативным, объектным и т.д. значением, ср. *гадалка, вешалка, кофеварка, причёска, сушилка*;

[o'k]₃ – отглагольный, образующий существительные ж.р. с процессуальным значением, ср. *ломка, прорезка, забастовка*;

[o'k]₄ – отыменной, образующий существительные ж.р. со значением «существо женского пола», ср. *японка, коммунистка, голубка*;

[o'k]₅ – образующий существительные ж.р. путем «свертки» устойчивых словосочетаний вида «прилагательное + существительное», ср. *Ленинка* (< *Ленинская библиотека*), *высотка* (< *высотное здание*), *читалка* (< *читальный зал*);

[o'k]₇ – с не вполне ясным значением, образующий существительные м.р. от слов разных частей речи при одновременном присоединении приставки или второго корня, ср. *пригорок, суглинок, просёлок, окурок, подросток, межеумок, первоуток*;

[o'k]_{Amb} – образующий одушевленные существительные I склонения общего или м.р. от слов разных частей речи, ср. *недоучка, лакомка, полукровка, невидимка, дружка*;

[o'k]_{Pl} – образующий *pluralia tantum* от слов разных частей речи, ср. *мостики, задворки, пряжки, поминки*;

[o'k]_{Pej} – отсубстантивный, образующий существительные I склонения с пейоративным или ироническим значением, ср. *компашика, балаболка, таракашика, япошка*;

[o'k]_{Dev} – отглагольный, образующий существительные м.р. со значением кванта действия, реже – с агентивным или инструментальным значением, ср. *бросок, шлепок, прыжок, росток, боёк*;

[o'k]_{Them} – тематический, оформляющий некоторые непроизводные прилагательные, ср. *крепкий, сладкий, яркий*;

[o'k]_{Adj} – отглагольный, образующий качественные прилагательные, ср. *зябкий, колкий, резкий, топкий*.

Отбор материала. Во избежание крайнего усложнения всех необходимых формулировок рассмотрим сначала только корневые морфемы, причем без учета позиции перед соединительной гласной -о-, о которой см. ниже.

Объектом нашего рассмотрения являются корни, мягкость конечного согласного которых на поверхностном уровне не обусловлена никакими последующими аффиксами. К числу таких корней относятся:

– корни непроизводных существительных I и II склонения, а также *pluralia tantum* (*баня, дыня, дядя, тётя, сакля, башня, голубь, карась, ферзь, фитиль, корень, егерь, поле, горе, джунгли, сани, дебри* и т.д.);

– корни непроизводных прилагательных, в том числе оформленных суффиксами -к(ий) и -ок(ий) – *синий, карий, изгреный, горький* (ср. *яркий*) и *далёкий* (ср. *высокий*);

– корни местоимений *весь, сей*;

– корни непроизводных глаголов на -ова(ть) (только *малевать*) и -а(ть) (*вилять, вонять, гулять, ковырять, линять, шиньрять* и неск. др.).

У существительных III склонения и примыкающих к ним числительных от 5 до 10 твердые согласные на конце основы невозможны, т.е. их мягкость в определенном смысле является позиционно-обусловленной. Поскольку, однако, эта мягкость в одних случаях сохраняется, а в других устраняется (ср. *тень* ~ *теновой* и *оттенок*, *щель* – *щелевой* и *прощелыга*, *карамель* – *карамелька* и *бутыль* – *бутылка*), морфонологические свойства таких слов также требуют изучения. Напротив, среди корней непроизводных глаголов с тематическими морфемами -и(ть) и -е(ть), перед которыми твердые согласные также невозможны (ср. *любить, говорить, вертеть, звенеть* и т.п.), ни один не обнаруживает случаев сохранения мягкости перед несмягчающими суффиксами, так что эта группа корней может быть исключена из дальнейшего рассмотрения.

Обрисованное множество корней выглядит очень большим, почти необозримым, однако такое впечатление обманчиво. Во-первых, совершенно бессмысленно говорить о морфонологических свойствах таких основ, как *витьязь*, *изгрений* или *ковылять*, вовсе не имеющих суффиксальных производных. Во-вторых, в РЯ относительно мало несмягчающих суффиксов, и лишь менее десятка из них достаточно свободно сочетаются с мягкими основами. Именно этим объясняется тот удивительный на первый взгляд факт, что не поддаются проверке и морфонологические свойства таких основ, как *грусть*, *лось* или *октябрь*, имеющих обширные словообразовательные гнезда. Следовательно, предмет нашего рассмотрения являются не любые корни с мягким ауслаутом, а только «активные», т.е. представленные хотя бы перед одним несмягчающим суффиксом, заведомо допускающим как сохранение, так и устранение мягкости конечного согласного основы.

Большинство «активных» корней четко делится на две группы: сохраняющие мягкость конечного согласного перед всеми несмягчающими суффиксами, например, *гиря*, *няня*, *король*, *линять*, *весь* (далее – корни типа I), и не сохраняющие мягкость конечного согласного ни перед одним несмягчающим суффиксом, например, *башня*, *голубь*, *шерсть*, *девять* (корни типа II).

Корни, всегда сохраняющие мягкость. К данному типу относятся:

- корни всех непроеизводных существительных I склонения, кроме *башня*, *стерня*, *тётя*, *тетеря* и (на наш взгляд, синхронно нечленимого) *простыня*;

- корни ряда существительных м. р. II склонения с исходом на *-ль*, *-нь* и *-рь* (*король*, *мотыль*, *уголь*, *штиль*, *огонь*, *парень*, *ларь*, *пузырь*, *хорь*, *царь* и неск. др.) и на зубные шумные (только *дождь*, *зять*, *тесть* и *князь*, где *з'* из *г*), а также одного существительного ср.р. – *горе* (представляется, что корни слов *горе*, *гореть* и *горький* с синхронной точки зрения уже не имеют между собой ничего общего);

- корни всех непроеизводных существительных III склонения с исходом на *-ль*, кроме *бутыль*, *ель*, *мораль*, *пыль*, *соль*, *цель*, *щель* (о слове *шинель* см. ниже), а также существительных *медь* и *сирень*;

- корень *pl. t. ясли*;

- корни прилагательных *синий*, *карий*, *далёкий* и *горький* (отверждение *р* в *горше*, *прогоркнуть* имеет чисто фонетическую природу), а также местоимения *весь*;

- корни глаголов *гулять*, *линять*, *вонять*, *цынырять* и *малевать*;

- корень частицы *авось*.

Значительная часть корней типа I из всех несмягчающих суффиксов встречается только перед диминутивным *-к-* (*сабля* – *сабелька*, *кастрюля* – *кастрюлька*, *баня* – *банька*, *деревня* – *деревенька*, *дыня* – *дынька*, *тюря* – *тюрька*, *уголь* – *уголёк*, *парень* – *пареньёк*, *ларь* – *ларёк*, *пузырь* – *пузырёк*, *князь* – *князёк*, *карамель* – *карамелька*, *медаль* – *медалька*, *параллель* – *параллельки* (название знака ||), *ясли* – *ясельки* и т.д.), однако некоторые из них обладают более широким словообразовательным потенциалом, например:

- батя* – ср. *батька*, *батюшка*, разг. *батяня*;

- гиря* – ср. *гирька*, *гиревик*;

- дядя* – ср. *дядька*, *дядюшка*;

- ноздря* – ср. *ноздрястый*, *ноздреватый*;

- няня* – ср. *нянька*, *нянюшка*;

- пуля* – ср. *пулька*, *пулевой*;

- цикля* – ср. *циклевать*;

- дождь* – ср. *дождевой*, спец. *дождевальный*;

- зять* – ср. *зятёк*, *зятюшка*;

- король* – ср. *королёк*, *королевский*, *королевич* и т.д.;

- огонь* – ср. *огонёк*, *огневой*;

- царь* – ср. *царёк*, *царевать*, *царевич* и т.д.;

- штемпель* – ср. *штемпелевать*;

- штиль* – ср. *штилевать*;

горе – ср. *горюшко*, *горесть*, *горевать*, устар. *горюн* (откуда далее *пригорюниться* и фамилия *Горюнов*);

роль – ср. *ролька*, *ролевой*;

медь – ср. *медяк*;

сирень – ср. *сиренька*, *сиреневый*;

весь – ср. *всегда*, *всюду*, *всякий* и т.д.;

карий – ср. *Карько* (кличка лошади карей масти);

синий – ср. *синюшный*, *синька*;

вонять – ср. *вонючий*;

линять – ср. *линька*, *линючий*;

шнырять – ср. *Шнырёк* (имя персонажа сказочной повести Т. Янссон «Мемуары папы Муми-тролля» в пер. Л.Ю. Брауде и Н.К. Беляковой);

авось – ср. *авоська*.

Корни, никогда не сохраняющие мягкость. К данному типу относятся:

– корни существительных I склонения *башня*, *тётя*, *тетеря* и *простыня*;

– ряд корней существительных м. р. II склонения (*голубь*, *лебедь*, *коготь*, *лапоть*, *бобыль*, *корень*, *олень*, *монастырь*, прост. *пупырь*, а также *ремень* и *пельмень* – см. ниже);

– ряд корней непроизводных существительных III склонения: два корня с исходом на *-ль* – *бутыль* и *ель* – и все корни, оканчивающиеся иначе (*дробь*, *бровь*, *кровь*, *морковь*, *церковь*, *цепь*, *лошадь*, *грудь*, *рысь* «аллюр лошади», *мать*, *горсть*, *кость*, *известь*, *кровать*, *нить*, *печать*, *плеть*, *рать*, *голень*, *грань*, *лень*, *лохань*, *глазурь*, *дверь* и др.), кроме имеющих производные с суффиксом *-ов(ый)* (см. ниже), а также корней *медь* и *сирень*;

– корень *рl. t. сани*;

– корни числительных *пять*, *шесть*, *семь*, *восемь*, *девять* и *десять*;

– корень наречия *чуть*.

Самым «популярным» диагностическим контекстом для корней типа II оказывается опять-таки позиция перед диминутивным *-к-* (*башня* – *башенка*, *тетеря* – *тетёрка*, *простыня* – *простынка*, *лапоть* – *лапоток*, *морковь* – *морковка*, *лошадь* – *лошадка*, *тетрадь* – *тетрадка*, *прядь* – *прядка*, *горсть* – *горстка*, *кость* – *косточка*, *лохань* – *лоханка*, *дверь* – *дверка*, *сани* – *санки* и др.), но в ряде случаев этот контекст либо не является единственным, либо вообще отсутствует, например:

тётя – ср. *тётка*, *тётушка*;

бобыль – ср. *бобылка*;

голубь – ср. *голубок*, *голубка*;

лебедь – ср. *лебёдка*, *лебёдушка*;

монастырь – ср. *монастырка*;

олень – ср. *оленуха*;

пупырь (прост.) – ср. *пупырышек*;

бровь – ср. *бровка*, *бровастый*, *безбровый* и т.д.;

голень – ср. *голенастый*, *наголенки*;

глазурь – ср. *глазуровать*;

грань – ср. *грановитый*, *огранка*;

грудь – ср. *грудка*, *грудастый*;

кровь – ср. *кровушка*, *кровавый*, *полукровка*;

лень – ср. *леность*;

мать – ср. *матушка*, *матка*, также *мат* «нецензурная брань»;

печать – ср. *печатка*, *печатать*, *отпечаток* и т.д.;

рать – ср. *ратовать*;

рысь «аллюр лошади» – ср. *рысак*;

цепь – ср. *цепочка*, *цепкий*, *прицеп* и т.д.;

церковь – ср. *церковка*, *церквушка*;

шерсть – ср. *шёрстка*, *подшёрсток*;

пять – ср. *пятый*, *пяток*, *пятак*, *сам-пят*;

восемь – ср. *восьмой, осьмушка*;

десять – ср. *десятый, десяток, десятка, сам-десять*;

чуть – ср. *чуток, чуточку*.

В этот же класс входит и существительное *гусь* (ср. *гусак, гусыня*), имеющее, однако, диминутив с аномальным сохранением мягкости – *гусёк*, к которому восходит также наречие *гуськом*.

Корень слова *зверь*, по-видимому, находится в процессе перехода от типа II к типу I: если в специальных терминах *зверовать* и *зверовой* мягкость устраняется, то наряду с формой *зверушка* существует получающий все большее распространение вариант *зверюшка*, а диминутив *зверок* (ср. также фамилию *Зверков* в «Записках сумасшедшего» Н.В. Гоголя) уже полностью вытеснен более новой формой *зверёк*.

Большой интерес представляет морфонологическое поведение корня существительного *шинель*. В то время как многочисленные словари, принадлежащие, насколько можно судить, перу людей сугубо штатских, в качестве диминутива от *шинель* приводят исключительно форму *шинелька* (по типу I), в речи военных широко распространен вариант *шинелка* (по типу II), ср., например: «Той **шинелкою** потертою // Укроют – спи, солдат!» (А. Твардовский, «Василий Теркин»), «Вещмешок и **шинелку** здесь оставишь» (Б. Васильев, «А зори здесь тихие...»). Этот факт представляется чрезвычайно важным: он свидетельствует о том, что устранение мягкости конечного согласного может восприниматься как признак освоенности слова, а ее сохранение – как признак чуждости.

Морфонологическое представление корней типа I и типа II.

Морфонологическая интерпретация корней типа I однозначна: их конечные согласные, несомненно, являются исходно мягкими, т.е. морфонологическое представление корней данной группы должно выглядеть как [гир'], [з'ат'], [юг'н'], [мед'], [сив'], [ве'с'], [лин'] и т.д. Напротив, адекватная интерпретация корней типа II сопряжена с некоторыми сложностями. Поскольку мягкость их конечных согласных не является ингерентной, но и не может быть отнесена на счет флексий (ср. *тётя*, но *мята*, *голубь*, но *ястреб, мост*, но *кость, кроватями*, но *палатами*), уже достаточно давно было высказано вполне естественное предположение, что она вызывается особой единицей, стоящей между основой и флексиями, – морфонемой [i] [Уорт 1972: 83–84] или символом «йот-мягкость» [Поливанова 1976]. В настоящей работе эта единица трактуется как «нулевой суффиксальный форматив, принадлежащий классу смягчающих» [Поливанова 1976, приложение: 16], т.е. [Ø]. Грамматический статус «нуля-смягчающего» достаточно ясен: этот элемент не относится ни к корню, ни к флексии и не обладает собственным значением, т.е. представляет собой **тематическую морфему**. В III склонении эта морфема структурно обязательна, из чего следует, между прочим, что в словах типа *медаль, сирень* имеет место такое же наложение позиционной мягкости на ингерентную, как в *ясли – ясельный, синий – синеть* и т.п. Напротив, в I и II склонении появление [Ø] представляет собой особенность синтактики небольшой группы корней. Дополнительным аргументом в пользу принятого решения служит то обстоятельство, что к типу II не принадлежат ни адъективные, ни глагольные корни.

Все прочие «активные» корни занимают как бы промежуточное положение между двумя рассмотренными классами, причем их морфонологическое поведение выглядит довольно запутанным. Тем не менее, опираясь прежде всего на различия в образовании все тех же форм диминутива, можно установить, что одни из этих корней явно тяготеют к типу II, тогда как другие – к типу I.

Корни, близкие к типу II. К этой группе относятся корни, сохраняющие мягкость перед адъективными суффиксами *-ов(ый)* (реже *-ов*) и/или *-оват(ый)* и не сохраняющие ее ни в каких других случаях. Таких корней 17:

гвоздь (ср. *гвоздарь*) – *гвоздевой*;

государь (ср. *государыня*) – *государев*;

грязь (ср. *погрязать*) – *грязевой*;

дёготь (ср. *деготок*) – *дегтевой*;

жердь (ср. жёрдочка) – жердевой;
 кисть (ср. кисточка) – кистевой;
 клеть (ср. клетка, клетушка) – клетевой;
 корень (ср. коренастый) – корневой;
 кремень (ср. кремешок – см. ниже) – кремнёвый;
 локоть (ср. локоток) – локтевой;
 ноготь (ср. ноготок) – ногтевой;
 сельдь (ср. селёдка) – сельдевый;
 сеть (ср. сетка) – сетевой;
 смоль (ср. смола) – смолевой;
 соль (ср. солонка) – солевой;
 стерня (ср. спец. сторновать) – стерневой;
 щель (ср. щёлка, прощельяга; слово щелястый – исключение) – щелевой, щелеватый.

Все эти корни ведут себя в целом так же, как корни типа II. Естественно считать поэтому, что перед суффиксами *-ов(ый)*, *-ов* и *-оват(ый)* [ʔ] сохраняется. Такая гипотеза хорошо подтверждается тем фактом, что все ранее выделенные корни типа II практически не представлены перед этими тремя суффиксами: имеющиеся примеры – *дробовик*, *еловый* и редкое *зверовой* – единичны и вполне могут рассматриваться как исключения.

Из сказанного выше следует, что реальные морфонологические свойства субстантивных корней с ауслаутной мягкостью, представленных из всех несмягчающих суффиксов только перед *-ов(ый)*, *-ов* или *-оват(ый)*, неизвестны нам точно так же, как свойства корней типа *витязь*, *грусть*. Число таких корней в РЯ довольно значительно; таковы *броня* (ср. *броневой*), *деверь* (ср. *деверев*), *киль* (ср. *килевой*), *ноль/нуль* (ср. *нулевой*), *тюль* (ср. *тюлевый*), *ферзь* (ср. *ферзевой* ~ *ферзевый*), *щёголь* (ср. *щеголеватый*), *боль* (ср. *болевой*), *фасоль* (ср. *фасолевый*), *эмаль* (ср. *эмалевый*) и неск. др.

Корни, близкие к типу I. В отличие от *-ов(ый)*, *-ов* и *-оват(ый)*, все прочие несмягчающие суффиксы не допускают сохранения [ʔ]. Правда, если для суффиксов [o'k]_{Dim}, *-ушк-*, *-ость*, *-ын(я)*, *-ØAdj*, *-аст(ый)*, *-ова(ть)*, *-ак* и нек. др. имеются реальные примеры его устранения (ср. *ель* – *ёлка*, *голубь* – *голубок*, *мать* – *матушка*, *лень* – *леность*, *гусь* – *гусыня*, *бровь* – *чернобровый*, *голень* – *голенастый*, *рать* – *ратовать*, *пять* – *пятак*, *рысь* – *рысак*²), то суффиксы *-ан*, *-ат(ый)*, *-ач*, *-ок(ий)*, *-от(а)*, *-ул(я)*, *-ун*, *-ух*, *-уч(ий)* вообще не сочетаются с корнями типа II, так что применительно к ним такое утверждение является скорее условным. Так или иначе, если какой-либо корень сохраняет ауслаутную мягкость перед любым из таких суффиксов, эта мягкость должна быть признана ингерентной. Имеется, однако, ряд корней, которые, в отличие от корней типа I, сохраняют мягкость не во всех случаях, причем их количество в РЯ неожиданно велико:

море: ср. *морюшко*, но *помор*, *Черномор*;
заря: ср. *зорька*, *зоревать*, но *Светозар*;
воля: ср. *волюшка*, но *произвол*, *самоволка*, *народоволка*, *доброволка*;
гость: ср. *гостевать*, *гостиюшка*, но *погост*;
поле: ср. *полюшко*, *полевать*, но *широкопольный*;
кудри: ср. разг. *кудерьки*, *кудреватый*, но *златокудрый*;
пень: ср. *пенёк*, но *опёнок*;
тень: ср. *тенёк*, но *оттенок*;
шаль: ср. разг. *шалька*, но *полушалок*;
конь: ср. *конёк*, *конюх*, но *конка*;
день: ср. *денёк*, *дневать*, но *обыденка*, *подёнка*;
козырь: ср. *козырёк*, но *бескозырка*;
хмель: ср. *под хмельком*, но *опохмелка*;
кошель: ср. *кошелёк*, но *кошёлка*;
гулять: ср. *гулевой*, но *отгул*, *прогулка* и т.д.

² Исключение: *кость* – *костяк* (ср. *косточка*).

Как видно, исчезновение мягкости конечного *С'* наблюдается в строго определенных контекстах – перед всеми нулевыми и некоторыми *к*-овыми суффиксами. Точное распределение приведенных примеров по различным словообразовательным типам выглядит следующим образом:

$\emptyset_{Vb}$: *погост* (ср. *бежать* – *побег*), *отгул* и др. на *-гул*;

$\emptyset_S$: *помор*, *Черномор*, *Светозар*, *произвол*;

$\emptyset_{Adj}$: *широкополый*, *златокудрый*;

$|o'k|_1$: *кошёлка*, *подёнка*, *бескозырка*;

$|o'k|_3$: *опохмелка*, *прогулка*;

$|o'k|_4$: *народоволка*, *доброволка*;

$|o'k|_5$: *конка*, *обыдёнка*, *самоволка*;

$|o'k|_7$: *опёнок*, *оттенок*, *полушалок*.

Со всеми перечисленными суффиксами, кроме $|o'k|_3$ и $|o'k|_4$, корни типа I (за исключением единичного *сися* – *тугосисий*) не сочетаются, из чего следует, что парно-мягкие согласные перед ними вообще невозможны. Морфемы $|o'k|_3$ и $|o'k|_4$ являются диспалатализирующими только для основ, содержащих приставку или второй корень (ср. *опохмелка*, *прогулка*, но *синька*, *линька*; *народоволка*, *доброволка*, но *полька* «жительница Польши»). Таким образом, корни типа *море*, *заря*, *гулять* должны быть включены в тип I: мягкость их конечных согласных также является ингерентной.

Суффикс $|o'k|_{Dim}$, как уже отмечалось, не является диспалатализирующим; на прочие нулевые и *к*-овые суффиксы нет примеров.

В открытии столь неожиданного для русского языка с его исключительно ярко выраженной склонностью к палатализации явления, как морфонологически обусловленное **отверждение** конечных согласных, велика роль В.В. Лопатина, отметившего, что в РЯ «имеются морфонологические позиции нейтрализации различий морфоне́м по твердости – мягкости, где выступают именно твердые разновидности морфоне́м» [Лопатин 1977: 293], и указавшего, что таковыми являются, в частности, позиции перед суффиксами $\emptyset_{Vb}$ и *-к(а)*. К сожалению, наблюдение В.В. Лопатина имеет скорее иллюстративный характер; никаких четких правил в его работе не содержится.

Существование морфем, требующих обязательной диспалатализации конечного *С'*, означает, что, помимо рассмотренных выше корней типа *вишня*, *грусть* и типа *броня*, *деверь*, ни одного диагностического контекста не имеют также корни *груздь* (ср. *подгруздок*), *ковырять* (ср. *подковырка*), *брань* (ср. *перебранка*), *мораль* (ср. *аморалка*), *ость* (ср. *безостый*), *ось* (ср. *осевой* и *двухоска*), *пыль* (ср. *пылевой* и *распыл*), *цель* (ср. *целевой* и *прицел*), *путь* (ср. *путёвый*, *путевой*, *путёвка* и *первопуток*, *попутка*). Поскольку трактовка мягкости конечной согласной как исходной является в общем случае и более простой, и более естественной (не требует введения дополнительного чередования), все такие корни, имеющие в исходе зубные или сонорные (например, *пядь*, *ферзь*, *бязь*, *карась*, *ось*, *корысть*, *путь*, *тля*, *апрель*, *брань*, *сени*, *вепрь*), мы будем считать принадлежащими к типу I; напротив, корни с исходом на губные (например, *скорбь*, *червь*, *хоругвь*, *выть*, *степь*, *верфь*) мы относим к типу II: ни один достоверный пример ингерентной мягкости ауслатных губных нам неизвестен.

Суффиксы с конечным мягким согласным. Морфонологическое поведение суффиксов с мягким ауслатом практически не отличается от поведения корневых морфем. Всегда сохраняют конечную мягкость (т.е. принадлежат к типу I) суффиксы *-ень₁* (отыменной, ср. *клубень* – *клубе́нок*, *перстень* – *персте́нок*), *-ул(я)* (ср. *бабуля* – *бабу́лька*, *рогуля* – *рогу́лька*), *-ан(я)* (ср. *маманя* – *мама́нька*), *-ын(я)* (ср. *барыня* – *бары́нька*, *милостыня* – *милос́тынька*, также *пустыня* – *пусты́нька*, ср. «...И в глазах – **пусты́нька**» (А.Н. Толстой, «Похождения Невзорова, или Ибикус»)), *-(о)н(я)* (ср. *кухня* – *кухо́нька*, *яблоня* – *ябло́нька*), несколько малопродуктивных морфем вида $|el'|$ (ср. *колыбель* – *колыбе́лька*, *качели* – *качелу́льки*) и $|e'l'|$ (ср. *земля* – *земелу́лька*, *земляк*, *капля* – *капелу́лька*, *грабли* – *грабелу́льки*). К типу II принадлежат суффиксы *-адь* (ср. *площадь* – *площа́дка*),

-аль (ср. *печаль* – *печаловаться*), -арь (ср. *дикарь* – *дикарка*, *корчмарь* – *корчмарка*), -знь (ср. *болезнь* – *соболезновать*), -н(я) (во всех значениях, ср. *колокольня* – *колоколенка*, *спальня* – *спаленка*, *песня* – *песенка*, *вишня* – *вишенка*, а также – с эпентетическим -с- – *басня* – *басенка*, *песня* – *песенка*), -ость (ср. *благодать* – *благодатьня*, *милость* – *милостьня*), -ень₂ (отглагольный, ср. *гребень* – *гребешок*, *ставень* – *ставешек*). Отметим, что и после суффиксально-оформленных основ [ʔ] перед суффиксом -ов(ый) регулярно сохраняется, ср. *пестрядь* – *пестрядевый*, *гребень* – *гребневой*, *вишня* – *вишеневый*, а также, например, *ткань* – *тканевый*, где исходная твердость [n] очевидна в силу того, что слово *ткань* образовано от причастия *тканый*.

Для суффикса -тель в РЯ нельзя указать ни одного сколько-нибудь реального диагностического контекста.

Суффикс -ть. На основании таких примеров, как *четверть* – *четвертак*, *четвертовать*, *весть* – *весточка*, *повесть* – *повестушка*, *память* – *памятка*, *запамятовать*, *рукоять* – *рукоятка*, можно было бы заключить, что суффикс существительных III склонения -ть относится к типу II. Однако такое утверждение представляется слишком слабым: даже в тех контекстах, где [ʔ] мог бы сохраняться, т.е. перед суффиксом -ов(ый) и в сложных словах, нет ни одного примера его сохранения, ср. *вестовой*, *смертоносный*, *смертоубийство*, *страстотерпец*, *властолюбие*, *сластолюбие*, *честолюбие*. Таким образом, для суффикса -ть характерен более радикальный, чем у морфем типа II, запрет на сохранение [ʔ] вне пределов словоизменительной парадигмы.

Замечание об основах с исходом на -нь. Особого рассмотрения требуют неодносложные существительные м.р. с исходом основы на -нь. У таких существительных конечное н' перед суффиксом [o'k]_{Dim} никогда не переходит в н – оно либо сохраняется, либо чередуется с ш. К первому типу относятся непроизводные существительные *огонь*, *парень*, *стержень*, а также отыменные *клубень* и *перстень*, ко второму – непроизводные *корень*, *олень*, *пельмень*, *ремень*, *ремень*, *кремень*, плохо членимое *камень* (ср. *камушек*), а также отглагольные производные (тоже не очень морфологически прозрачные) *гребень* и *ставень*. Как видно, основы типа *огонь* по своему поведению ничем не отличаются от основ типа *царь*, т.е. они оканчиваются на [n'] и принадлежат к типу I. Что касается основ типа *корень*, то их тем самым следует относить к основам, имеющим в ауслауте сочетание [n + ʔ], т.е. к типу 2; собственно говоря, именно такое решение и принимается для них в ргюг выше. На наш взгляд, в пользу такого решения можно привести два серьезных аргумента. Во-первых, для корней таких слов, как *олень* и *корень*, принадлежность к типу II устанавливается без обращения к форме диминутива – ср. *оленуха*, *коренастый*. Во-вторых, от слова *окунь* в РЯ образуются две формы диминутива – *окунёк* и *окушок*, первая из которых является нейтральной и приводится в словарях, а вторая характерна для речи рыбаков. Таким образом, соотношение между формами *окунёк* и *окушок* оказывается в точности таким же, какое имеет место между формами *шинелька* и *шинелка*: первая форма – с неустраняемой мягкостью конечного согласного – используется при неосвоенности носителем соответствующей реалии, вторая – с чередованием – при ее освоенности.

Итоговые правила. Результаты, полученные в ходе проведенного выше исследования, как кажется, позволяют сделать вывод, что морфонологическое поведение корней и суффиксов с исходом на мягкий согласный отнюдь не является в РЯ хаотическим и может быть описано при помощи нескольких достаточно простых правил:

1) морфемы типа I (имеющие в ауслауте исходно мягкий согласный) подвергаются чередованию С' ~ С перед нулевыми словообразовательными суффиксами, а также перед суффиксами [o'k]₁, [o'k]₅, [o'k]₇ и – частично – [o'k]₃ и [o'k]₄, и сохраняют С' в остальных случаях;

2) морфемы типа II (выступающие в субстантивном склонении в сочетании с тематической морфемой [ʔ]) сохраняют [ʔ] перед суффиксами -ов(ый), -ов и -оват(ый) и теряют его перед всеми прочими суффиксами;

3) особым образом ведет себя суффикс *-ть*, никогда не сохраняющий [Ø] за пределами словоизменительной парадигмы.

Позиция перед соединительной гласной. Позиция перед соединительной гласной *-о-* по своему влиянию на мягкость конечной согласной существенно отличается от всех прочих. В этой позиции мягкость может как сохраняться, так и устраняться, причем один и тот же корень может вести себя по-разному в разных производных (ср. *кровото-чить*, но *кровеносный*), а разные корни – в совершенно идентичных (ср. *звероводство*, но *коневодство*). Однако самое поразительное состоит в том, что наличие / отсутствие отверждения перед *-о-* никак не зависит от морфонологического типа корня, ср. *конь* ([кон']) – *конокрад*, но *море* ([мор']) – *мореход*, *кость* ([кост + 'Ø]) – *костолом*, но *кисть* ([кист + 'Ø]) – *кистепёрый* и т.д. Ниже приводится почти полный (лишь при корнях *шерст-* и *кров-*, где число производных очень велико, некоторые из них опущены) список композитов, образованных от всех основ, допускающих модель с устранением мягкости, кроме содержащих суффикс *-ть* (см. выше):

ОСНОВА ³	МОДЕЛЬ С УСТРАНЕНИЕМ МЯГКОСТИ	МОДЕЛЬ С СОХРАНЕНИЕМ МЯГКОСТИ
[гвозд + 'Ø]	гвоздодёр	
[голен + 'Ø]	голеностоп	
[звер + 'Ø // звер']	зверобой, звероферма, зверовод, зверолов, зверосовхоз, звероящер	
[кабел']	каблограмма	
[кон']	коновал, конокрад, коновод, коногон, коновязь	конезавод, конеферма, коневодство, конесовхоз
[корыст']	корыстолюбие	
[кост + 'Ø]	костоеда, костолом, костоправ, косторез	
[кров + 'Ø]	кровоостанавливающий, кровопийца, кровосос, кровообращение, кровоизлияние, кровопускание, кровопролитие, кровосмешение, кровотечение, кровоточить, кровоподтёк, кровожадный...	кроветворный, кровеносный
[ногот + 'Ø]	ноготоеда	
[параллел']	параллелограмм	параллелепипед
[плот']	плотоядный	
[рат + 'Ø]	ратоборец	
[черв + 'Ø]	червовидный, червоточина	червеобразный
[шерст + 'Ø]	шерстобит, шерстобой, шерстотрепальный, шерстопрядение, шерстоткацкий, шерстомойка...	шерстезаготовительный, шерстеобрабатывающий
[шест + 'Ø]	шестопёр	
[кам + е'н']	каменоломня, каменотёс	камнепад, камнерез, камнедробильный, камнедробилка
[ба + е'н + 'Ø]	баснословный, баснописец	
[пе + е'н + 'Ø]	песнопение	
[дал' + е'н']	дальнобойный, дальновидный, дальнзоркий, дальномер	дальневосточный

³ Основы приводятся в форме исходного морфонологического представления с некоторыми несущественными для рассматриваемой темы упрощениями, касающимися, в частности, качества корневых гласных.

Случаи отвердения конечной согласной перед -о- представлены примерно у 20 основ. Данная модель очень архаична – не случайно многие из композитов такого типа имеют возвышенно-книжную окраску – и практически непродуктивна; правда, в новых сложных словах, образованных с участием этих основ, отвердение еще возможно, ср. *Шерстопалы* и *Шерстолапы*, *Червослов* (имена персонажей в переводах сказочной эпопеи Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец»), *кровописец* («Спорт-экспресс» от 18 марта 1998 г.: о болельщике, написавшем заявку на получение билета собственной кровью), а также придуманную А. и Б. Стругацкими фамилию *Камноедов*, выглядящую, впрочем, довольно странно. Все прочие основы в данной позиции неизменно сохраняют мягкость, ср. *бронбойный*, *путеводный*, *грязелечение*, *корнеплод* и т.д.

Примеры типа *шерстотрепальный* – *шерстезаготовительный*, *каменоломня* – *камнедробилка*, *косторез* – *камнерез*, *червовидный* – *нитевидный*, *параллелограмм* – *параллелепипед* свидетельствуют о том, что отвердение конечной согласной основы перед -о- не регулируется никакими правилами и является чисто словарной информацией. Отметим, однако, что такое отвердение невозможно у исконнославянских основ с исходом на л', ср. *щель* ([щел + 'О]) – *щелевидный*, *соль* ([сол + 'О]) – *солевар*, *уголь* ([уго'л']) – *угледобыча*, *углежог*, *поле* ([пол']) – *полевод*, *пуля* ([пул']) – *пулемёт*, *пуленепробиваемый* и т.д., а также у основ с суффиксом -н(ий), ср. *древнерусский*, *задняязычный*, *Нижневартовск*, *раннефеодальный*, *верхненемецкий*, *внешнеторговый* и т.д. Приведенные в таблице производные от *дальний* составляют в этом смысле исключение, обусловленное длительной конкуренцией в РЯ форм *дальний* и *дальный*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Земская 1973 – Е.А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
 Кузнецова, Ефремова 1986 – А.И. Кузнецова, Т.Ф. Ефремова. Словарь морфем русского языка. М., 1986.
 Лопатин 1977 – В.В. Лопатин. Русская словообразовательная морфемика. М., 1977.
 Поливанова 1976 – А.К. Поливанова. Морфонология русского субстантивного словообразования. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.
 Толстая 1991 – С.М. Толстая. О понятии «морфонологическая позиция» // *Studia slavica: Языкознание. Литературоведение. История. История науки* (К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна). М., 1991.
 Трубецкой 1987 – Н.С. Трубецкой. Морфонологическая система русского языка // Н.С. Трубецкой. Избранные труды по филологии. М., 1987.
 Уорт 1972 – Д.С. Уорт. Морфонология нулевой аффиксации в русском словообразовании // ВЯ. 1972. № 6.
 Чурганова 1973 – В.Г. Чурганова. Очерк русской морфонологии. М., 1973.